

КУРИНЫЙ БОГ

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

ОЛЬГА НРАПЛАН

Родилась в 1991 в Крыму и с тех пор там и живет, в городе Евпатории. Училась в художественном училище, а еще на историческом факультете, ничего не окон-

чила. В школе писала стихи, и сейчас иногда их пишет, но поэтом себя больше не считает. Сочиняет прозу, иллюстрирует книги друзей, занимается литературной критикой.

Сердолики лучше искать на закате, тогда виден их восковый жар. А яшму – редкую зеленую, мшистую, или частую красную, похожую на куриную печенку, – лучше искать пасмурным днем. Нельзя брать домой те камни, что из-под волны пестрят, в кармане камень высохнет и окажется каким-нибудь кварцем, и будет грустно.

Разве что конский зуб, что мокрый, что высушенный, – он всегда интересный, заметил – бери и береги в зубной шкатулке. Там и мои молочные зубы спрятаны, несерьезные, без корешков, и папины – жуткие, трехкорневые моляры, хворые, аж земляные. И от прабабушки один золотой клычок.

А еще бывает камень – куриный бог. В нем сокровенно то, что он дырявый. Куриного бога надо повесить на нитку к родному крестику, так все приморские дети делают. И камешек звонко бьется о серебро.

И у меня такой куриный бог на шее висел, но сгинул. И не заметила сразу, что больше не звеню. Только осенью, когда погнались делать флюорографию, потянулась веревочку развязать, а шея-то голая.

Автобус через два часа только. Скоро меня здесь не будет.

Тут, у Карадага, самые плодородные на камешки пляжи. Столько разноцветья от бывшего вулка-

на, что местные зеленой яшмой в палисадниках тропки мостят. Карманы набила, пайта свисает низко, я стала придирчивой, и сердолик слишком... облачный, и яшма не шибко узорчата, хожу и хрущу камнями. Чего-то шукаю.

На пляж спустилась, чтобы не промокли ноги. На битой плитке лужи, а у меня ботинки треснутые. Дождь сыпется все майские подряд, и галька блестящая, карамельчатая. Воздух сладкий, липнет к лицу, томительно пахнут всякие тамариски да глицинии. Ни одного простого цветка, изыски сплошь. Море еще шипит, точно ситро в чашке.

Под навесом худобокая кошка лижет лапу с толком и увлечением. Все кошки в межсезонье маленькие, голодные. Долгие ряды рубчатого белого пластика тянутся вдоль берега, все закрыто-заколочено. Неизменные во всех южных городах «Малибу» и «Голубая лагуна» с «Прибоем» – ничего не ожило для меня, хотя праздники же! Вот, я приехала. Гулять и веселиться.

И где?

На всей набережной только палатка с полированными камешками работает, там мужичок серенький сидит и грозы пророчит. Я у него яшмовое кольцо купила. Сувенир! Оно как порез на пальце. Тонкое. Туго сидит. Сломаю еще, если драться стану! Или потеряю. И кто-то его найдет потом, когда меня не станет.

Перешла дорогу –
и вот уже набережная,
ступеньки в море уходят.
Нижнюю вода лижет, она
скользящая от водорослей.
Поскользнешься –
и в сваю тупой головой.
Но это только куржи
так, они мест не знают,
а я знаю. Заходить
в воду нужно у третьей
палатки с мороженым.
А возле пирса – там
убиться можно. Или, если
не убьешься, то колени
точно царапнет что-то
нехорошее, зубатое.

Отыскала голыш и кинула его бочком в море,
чтоб он проскакал по воде, я это умею. Но ве-
тер море теребит, камень тут же потонул. Только
чаек испужала.

Уселась под навес, к той кошке. Она тут же
ушла от меня. Я ей:

– Кошечка, кошечка!

А она меня не желает, вспрыгнула на забор
и пропала.

И осталась я совсем одна. Только под ногами
лежит в утешение кольцевой, драгоценный кури-
ный бог. Не какой-нибудь глупый песчаник! Про-
зрачный, медузовый сердолик!

Подумала сначала, что это поделка того му-
жичка, кто-то обронил из пришлых. Но нет, камень
точильным кругом не тронут. Настоящий, сокро-
вищный. Даже лучше, чем тот, который в детстве
моим был.

Расстегнула цепочку, на которой святой по-
вешен – хоть бы в гальку не соскользнул, остро-
жно, осторожно... Прodelа цепочку в дырочку

каменную, и вот – теперь я с куриным богом. Бла-
гословленная, спешу на остановку.

Сейчас все будет, как раньше было. Это как иг-
рать со старой сохранки, когда еще не все поте-
рялось.

Еду через хмурь домой. Холмы смотрю, запле-
тены косы виноградников. У водителя нет музыки,
он машинный шум слушать нас всех заставляет.
Километровые часы.

Скорей-скорей-скорей начать бы сначала.

В следующее воскресенье смурные дни кончи-
лись, вылились на улицы все дожди, сполоснулся
город. Настала великая сушь – так написано на
таблице старинного барометра в гостинной. Си-
рень в банке всю воду выпила, осунулась.

На волне сто четыре и восемь передают мою
любимую скороговорку, отшелкивающую лето:

– В связи с высокой пожароопасностью леса Кры-
ма закрыты для посещения! – и начинают пере-
дачу по заявкам.

«Сегодня ломает, поставь что-то для потерян-
ных. Привет Солдату и Матросу». Ставят:

Потерял все свое, потерял все свое.

Бежать так легко, убежать так легко.

Убежать-то легко, все одно не уйти далеко.

Кто-то черной ручкой помешал молоко.

Трижды черная рука молоко мешала, а потом
погоду сказали. Надо идти на ступеньки, пла-
вать. Пора. Девятнадцать градусов вода в море.
Даже санаторских детей уже выпускают купаться,
а я все сижу и рисую, объелась гуаши, акварели
налакалась, все карандаши сгрызла.

Отыскала купальник, он с черепахами на живо-
те. Правда, это только я знаю, что там черепахи,
ношу его лет десять, выцвела ткань, выела соль
краски. Специальное морское полотенце достаю
из комода, оно жесткое, просоленное, красное-
прекрасное: это чтоб издали видеть место свое
на берегу, когда уплываешь за буйки, к чайному
островку, и голосни человеческой не слышно, смо-
тришь на берег дальний, а там мураши пестрые
ползают. И с катера сигналят, мол, задавим сей-
час, кыш.

Во дворе растет алыча. На самых вышних вет-
ках канчики молочной спелости висят, как луны.
Не достать, а снизу оборвано все.

Перешла дорогу – и вот уже набережная, сту-
пеньки в море уходят. Нижнюю вода лижет, она
скользящая от водорослей. Поскользнешься –
и в сваю тупой головой. Но это только куржи так,
они мест не знают, а я знаю. Заходить в воду нуж-

но у третьей палатки с мороженым. А возле пирса – там убится можно. Или, если не убьешься, то колени точно царапнет что-то нехорошее, зубатое.

Выйдешь потом на берег, кровь по лодыжке тушью растекается. И шиплет.

Постелила полотенце. Разулась, в кеды спрятала ключи и сигареты. Рядом крутятся мальчишки пунцовые, с жидкими волосиками. Серьезная пухлая девочка в панаме бродит по нижней ступени с флуоресцентно-зеленым сачком, креветок ловит. Вот, попалась ей одна. Страшная, с лапками острыми! И стеклянная, все внутри креветки видно, все ее кишочки черные! Девчонка пискнула и плюхнулась в воду плашмя. Забрызгала меня. Капли холодом жгут. Кинулись тетушки колченогие ее стыдить.

А я осторожно в море иду. Выбрала ступеньку самую разбитую, она не такая скользкая. Правда, камни ступни режут. Поскорее спускаюсь, вот уже холод ребра щекочет, и терять нечего! Кидаюсь вперед и вглубь ухожу.

Ушла, ушла. У дна вода не гретая течет, весенняя. Тень рыба метнулась по камням. Плыву дальше, уши давит. Тянутся рыжие деревца водорослей за мною. Горло мне чешут.

Больно уже не дышать. Ногой оттолкнулась – и к свету.

Вдыхаю, облако растрепанное ползет по небу, солнце крадет. А у горизонта и вовсе неба не видно, только дымная туча к берегу идет.

И небо гудит. Мальчишка на волнорез взобрался и тычет ввысь, и все головы подняли к первым грузным каплям грозы:

– Летит, смотрите, летит!

Низко так, что можно разглядеть брюхо, самолет заостренный, ножевой. На север.

Я тянусь к шее, хочу сжать в ладони тяжесть сердоликовую, хочу, чтобы куриный бог тишину и солнце вернул, но горло у меня голое.

